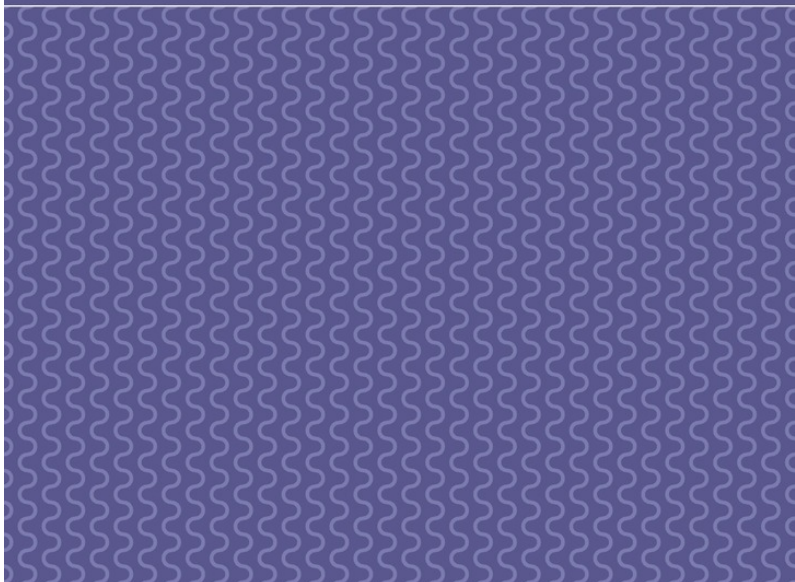

Михаил Васильев

Орден

Детективные повести

Михаил Васильев

Орден

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194411
ISBN 9785447451127*

Аннотация

О русских, которые вспомнили, что они великий и богатый народ. Герой произведения видит, что вокруг происходит что-то странное: на помойках пачками валяются деньги, за обиженных вдруг кто-то заступает. За него заступаются тоже. И вскоре узнает, что произошло.

Содержание

Рукопись неизвестного предка	5
Лицо в воде	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Орден
Детективные повести
Михаил Васильев

© Михаил Васильев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рукопись неизвестного предка

Эту рукопись я нашел случайно. Оказалось, написал ее мой предок, о котором я ничего не знаю. Деда своего помню с трудом, а о предшествующих представителях поколения не слышал ничего. В нашей семье, увы, так!

И вот как-то случайно попала пачка так называемых школьных тетрадей, из настоящей, хоть и сильно потемневшей бумаги. Непривычные записи, сделанные «шариковой ручкой». Пришло в голову, а вдруг кому-нибудь это может показаться интересным. Подробности нелепого времени, экзотической дикости прошлого, эпохи унижения и самоунижения русского народа, который почему-то не был хозяином своей судьбы и своего богатства. Давнего-давнего времени. Еще достославного две тысячи тринадцатого года.

По улице, медленной и усталой походкой человека, бродящего долго и бесцельно, шел кто-то, лет тридцати, худощавый, почему-то в очках с треснувшим стеклом. Звали его Лев. Этот Лев остановился у низко висящей вывески пивной «Волгарь», глядя на другую сторону улицы.

Там возле ворот рынка столпилась масса народу, и сначала было неясно, что заставило их всех так тесно и неудобно скучиться. Шум и крики переносились через дорогу, перекрывали шум машин.

Потом стало видно, что в центре толпы стоит бортовая машина. Трое мужиков сгорбились в ее кузове, погрузившись ногами в резиновых сапогах в живую рыбу. Все наклонялись и выбрасывали, выбрасывали наружу больших карпов. Непонятное в наше рыночное время количество людей окружило это вроде бы торжище. Громкие крики и мат доносились оттуда, люди кричали и вырывали друг у друга, у ближних рыбу. Как ни странно, денег никто ни у кого не требовал. Мужики, скорее грузчики, а не продавцы, швыряли и швыряли карпов прямо в скопище людей. А вот стали спихивать рыбу лопатами. Вид иссякающей на глазах бесплатной рыбной горы привел толпу в неистовство, мат стал совсем явственным.

Рядом со странным грузовиком стояло множество полицейских машин. Такой необычно большой, многочисленный полицейский наряд. А вот к ним подъехала какая-то иномарка. Оттуда вышел молодой человек с папкой и фотоаппаратом и сразу стал фотографировать необычную рыбораздачу. Ловил в объектив мужиков наверху в кузове. Один из них выпрямился, держась за натруженную спину, крикнул:

– Ни кипешуйтесь! Сейчас еще одна машина подъедет.

Она уже приближалась. Задним ходом, медленно, черная цистерна. Оттуда выбрался и полез наверх, к люкам человек. Подбежал полицейский.

– Разрешения на торговлю вам не давали! – крикнул он.

Его было плохо слышно. Рядом будто бы шел митинг необычайной политической активности.

– Все-то ты знаешь! А мы и не торгуем, – заметил человек на цистерне.

Струя воды с рыбой вдруг хлынула из машины. Полицейский едва успел отскочить.

– Как ты неловок! – скептически заметил стоящий наверху.

Люди, отпихивая друг друга, кинулись почти прямо под струю. Бьющиеся рыбины заскользили по асфальту, длинные, похожие на змей, угри. Вниз на дорогу, под троллейбусы и автомобили. Мокрый люд бегал в потоке рыбы, хватал трепыхающуюся добычу.

Стоящие на другой стороне улицы, на троллейбусной остановке люди смотрели на раздачу рыбы, будто на удивительное представление. Некоторые смеялись. Только человек в очках с треснувшим стеклом глядел мрачно. Наконец, отвернулся и стал спускаться в пивной подвал.

Оказалось, народу там много, все места заняты, но у стойки никого. Только просто так, боком стоял человек с лицом гнома. Маленький, худой, как пятнадцатилетний подросток, в теплой шапке. Выпуклые круглые глаза, мягкий короткий нос, почти никаких признаков возраста на лице.

«Для театра непревзойденный типаж, – подумал Лев, – особенно, для ТЮЗа. Или просто на амплуа комика».

Получив кружку пива, Лев внезапно сказал гному:

– Вы на Куклачева похожи.

Тот, помолчав, ответил:

– А я Куклачев и есть, – Видимо, являлся одним из местных балагуров. Такие в пивных и подобных местах оживляют свой быт. – Только не говори никому, что я пивняк посещаю. У нас в цирке запрещено.

Оказалось, что балагур не очень высокой квалификации.

«В лучшие времена я сам был такой», – подумал Лев, отходя. Невдалеке освободилось место за столом.

В стороне сидел пьяный с кружкой пива и рыбиной, которую держал, отставив в сторону в вытянутой руке. Сегодняшним карпом, добытом у рынка. Про рыбу пьяный забывал, та опускалась и опускалась. Вот касалась грязного затоптанного пола. Мужик приходил в себя, поднимал рыбину повыше и опять прикивал к кружке.

А сейчас показывал этой кружкой на телевизор, висевший напротив на стене.

– Жаль, что мне такой помойки не попадалось! – громко произнес он.

На экране какой-то молодой человек с микрофоном стоял возле, заваленных мусором, баков. У его ног лежал бомж в бесформенном рванье, присыпанный деньгами. Рядом с ним валялся мусорный пакет, туго набитый бутылками водки.

– Мы даже не можем сказать, жив ли этот человек, – рассказывал этот, с микрофоном. – Хотя, не беспокойтесь, «скорую» мы уже вызвали. В последнее время происходят невообразимые вещи. На помойках неожиданно появляются

деньги. Местные бомжи собирают их, как листья, и спиваются насмерть. Иногда эти деньги валяются в грязи пачками, и теперь я знаю, что они, оказываются, действительно пахнут. Стоя здесь, у этих мусорных баков, думаешь, что ничего подобного никогда в истории человечества не происходило.

– Врет, – слышалось рядом. Псевдокуклавчез занял остаток свободного места напротив. От него тоже немного пахло рыбой, хотя в руках у того ничего не было. Наверное, уже набрал и отнес домой дармовую добычу, городской улов. – Врет. В военных походах, бывало, избавлялись от такого, как от ненужного груза. Македонский заставил Креза сжечь свою добычу.

– И Наполеон тоже, – внезапно сказал пьяный с рыбной. – Закопал.

– А я даже знаю, где закопал, – негромко сказал этот маленький сосед.

Лев подумал, что тот, наверное, невообразимый лгун. Пиво было отвратительным. Отвратительное пиво, отвратительный карлик и этот чувак с рыбой тоже. Как теперь жить, пить, смотреть на таких? Если ему еще дадут жить...

– И откуда деньги на помойках берутся? – спросил у кого-то пьяный. Рыба у него опять лежала на полу.

– Когда-нибудь узнаешь, – сказал маленький Псевдокуклавчез. – Когда-нибудь все узнают.

Звук в телевизоре, наконец, выключили. Теперь там мелькало что-то беззвучное. Кажется, стадион. Целая колонна

автобусов с болельщиками какой-то южной футбольной команды. Их ухмыляющиеся, лезущие прямо в камеру, лица. А вот так неожиданно мелькнул человек в треснувших очках. Вот еще раз.

Тот сам, сидящий под телевизором, нахмурился и отвернулся. Вроде, он не хотел, чтобы это заметили, но кто-то уже увидел.

– Во, гляди! – громко сказал увидевший. – А в телевизоре этот самый. Вон тот, с пустой кружкой!

Кажется, на экране появился зал суда. Лев, уже без очков, стоял за трибуной. В пальто, держащий в руке кепку. Потом показали какого-то смуглого человека за решеткой, при этом гордо улыбающегося, очень довольного собой.

– Это кто? – внезапно спросил сосед-гном.

Сортир, – неохотно ответил человек в очках. – Имя у него на это слово похоже, вот я так его и зову. Пахан всех урюков на местном рынке. Кафе у него там, – Помолчал, глядя в кружку. Потом неожиданно заговорил, хотя его ни о чем не спрашивали. – Живем с ним в одном дворе. Сын у него, маленький, но торопится навесить на себя беспредела, сколько может. Бегает по двору, бьет кошек. Злоба в нем уже кипит. А раз выскочил во двор с ножом и кинулся на кошку, резать. Та в углу дома сидела, не смогла убежать. Старухи крик подняли, дети. Я ублюдка поймал, остановил.

Говоривший сначала сдержанно человек теперь рассказывал все охотнее и охотнее:

– После этого Сортир на меня дико обиделся, угрожать мне стал. Но тогда не били меня. Жену мою избили. В лифт тот зашел вслед за ней, а потом еще двое. Перелом трех ребер, повреждение внутренних органов. Они, вообще, любят бить на улицах женщин. Особенно, беременных.

Человек в очках вопросительно посмотрел на сидящего напротив, будто ждал, что тот начнет возражать. Но тот молчал. Сам заговорил опять:

– Я в суде потом этому Сортиру высказал все, что о нем думаю, только его выпустили прямо тогда, за недоказанностью. Мол, он случайный свидетель. Обиделся Сортир страшно, прямо в зале принялся мне угрожать. Что подстережет меня и зарежет. Никто ему не стал мешать, отвлекать.

Человек замолчал, глядя в пустую пивную кружку. Потом опять стал говорить.

– Несколько раз находили меня, пытались бить, но я вырывался. Дома не ночую теперь. У меня коммуналка, там на кухне меня несколько человек поджидают. Соседи по телефону говорят, что те даже бабу с собой таскают, чтоб не скучать. Я сам специалист по лишнему, модельер модной одежды, сейчас в театре работаю. Портной по жизни, то есть слушатель. Сижу, шью и слушаю. Только вот прервался этот процесс, не дают сидеть спокойно.

– И ты теперь гуляешь по городу? – спросил сосед. В голосе карлика теперь слышалось откровенное презрение.

– Гуляю, – неохотно признался Лев. – У тещи сердце, по-

мерла. Даже на похоронах ее не был, ищут меня. Жена живет на даче и не хочет меня видеть.

Стало поздно. Из этого «Волгара» постепенно выгоняли всех. Псевдокуклачев, собираясь выходить, набивал маленькую трубку раскрошенной «Примой».

Наконец, выгнали окончательно. Человек в разбитых очках стоял у дверей пивной, бессмысленно глядя в землю. По лестнице снизу поднялся бывший сосед по пивной скамье. Остановился, закурил трубку.

– Тебя как звать? – спросил неожиданно.

– Левка.

– Лев, значит. А меня чаще Эдуардычем зовут.

Помолчал. Было слышно, как потрескивает табак в его трубке.

– А где ты ночью теперь? – спросил опять.

– В театре ночью. Только сегодня не пускают. Допоздна подготовка сцены будет идти.

– Ну что ж, можешь переночевать у меня, – не сразу, подумав, предложил этот Эдуардыч. – Дорога крайностей ведет во дворец мудрости. Я тут сторожем рядом служу, вон в той детской музыкальной школе. Вернее, даже не там, а в некоей конторе. Она снимает один угол у школы.

Лев двинулся вслед за сторожем Эдуардычем.

«Ночевать в жилье у карликов! Принимать от них помощь! Но это все же лучше, чем в кошачьем домике».

В одном дворе построили убежище для уличных кошек,

большой ящик на сваях. Там и пришлось провести прошлую ночь. Оказалось, что совсем холодно, хоть кошки и грели немного.

У мусорных баков стоял пьяный бомж.

– Эй, выпейте по сто грамм, – предложил он, протягивая бутылку «Абсолюта».

Эдуардыч остановился, глядя на пачки денег, валяющиеся на грязном асфальте. Лев прошел стороной. Только он мог увидеть в наступившей темноте другого бомжа, ушедшего далеко вперед и прижимающего к груди деньги. Этот шатался, роняя пачки. Те падали и оставались лежать сзади, как лепешки за коровой.

Где-то вдалеке раздался жуткий и острый, будто пороссячий, женский визг и чей-то смех. Эдуардыч двинулся вперед.

– И чего вы выпить не хотите? – донесся сзади обиженный голос бомжа.

В конторе Эдуардыча неуютно пахло канцелярией.

«Где только я теперь не бываю», – подумал Лев.

Эдуардыч снял шапку и сразу постарел. Оказался седым и лысым.

– Подожди, мне надо позвонить, – сказал он и исчез.

В углу стояло единственное здесь украшение, древний граммофон в деревянном ящике. Повсюду висели плакаты, как раньше, при прежнем режиме. Только не на красном кумаче, а на синенькой ткани.

«Никогда не протягивай руку ближнему. Останешься без

руки»: прочел Лев самый большой.

Увидел в зеркале перед собой человека с рано появившимися следами пороков на лице. Красноватыми жилками и еще детским почти подбородком. С жидкими, но по-артистически длинными волосами. Он снял и выбросил в ведро для мусора свои очки.

Потом сел за стол. На нем почему-то лежала целая пачка меню разных ресторанов. Странное увлечение карлика. Еще газета, «Чебоксарские страсти».

«За оврагом на улице Кустарной видели бешеную собаку. С пеной изо рта...»

Вошел Эдуардыч. Вспыхнул свет.

– Ты как будто в темноте читаешь, – спросил тот. – Будто видишь.

– Вижу, – ответил Лев. – И еще я бывший дальтоник. Меня от дальтонизма вылечили – это единственный случай в мире. Но мне по-новому, по-вашему не понравилось. Просил врачей обратно дальтонизм вернуть, но они не хотят. Не умеем, говорят.

В чайнике шуршала накипь. Бессмысленные звуки, ненужные подробности жизни. На столе лежали инструменты и мелкие металлические детали вперемешку с коробочками лекарств.

Лев ткнул вилкой в сардельку с хвастливой надписью «Мясная». Медленно мастерил бутерброд. Ощущение страха и стыда. Вместе невыносимая смесь.

Они ели молча. Только трещала над головами старая люминесцентная лампа.

– Ты думаешь, мне так легко погибнуть, как кусок мяса, от боли, на радость врагам, – неожиданно заговорил Лев. – Вот так тоскливо сдохнуть! А что я могу? Умереть бы, но умереть хоть со стволом в руке. Не жалкой смертью! И может даже кого-то из врагов успеть замочить! Ты не понимаешь, где тебе понять!

– Все получается, когда не боишься, – помолчав, возразил Эдуардыч. – Страх парализует... Так всех нас в трусов превращает мысль. И вянет, как цветок, решимость наша в бессилье умственного тупика, – процитировал он.

– Пушкин? – спросил Лев.

– Нет. Шекспир, Вильям Потрясающий Копьем. Гамлет.

Лев с неприязнью смотрел на коротенькую рубашку Эдуардыча с пестрыми рисунками. Какими-то пальмами, кусками морского берега. Вряд ли этот Эдуардыч знал, что когда-то, в шестидесятые годы он выглядел бы дико модным. И рубашка его тогда называлась «гавайка»

– Этот Гамлет у нас в театре шел. Я тогда в Цехе твердых декораций работал и там для этого Гамлета череп из гипса делал, – пробормотал Лев.

– А на свете всякое бывает, – добавил к своим словам Эдуардыч. – Злодеи иногда ни с того ни с сего помирают: тонут, захлебываются блевотиной, кидаются в бурные воды с моста. Случаются случайности.

Потом Лев сидел, положив голову на стол и пытался заснуть. Внутри горько, словно он наелся перца, да еще эти идиотские советы карлика. Засыпая, Лев ощущал будто сердце пилят и пилят тупым ножом.

Утром он встал невероятно рано. Стараясь не разбудить сторожа, вышел из школы. Светло и пусто. Шел непонятно куда, кажется, к дому. Вроде бы некуда больше идти. Осторожно проходил через свой двор. Обнаружилось, что окно в его комнате распахнуто. А вот в другом окне кто-то мелькнул, высунулась голова соседа, актера Генки Привольного.

– Заходи, – крикнул тот. – Враг бежал.

Его голос сейчас звучал неестественно громко.

Лев вдруг заметил большое пятно крови, отчетливо видимое посреди асфальтовой площадки перед домом. И на двери подъезда тоже кровь.

Привольный встретил его в коридоре. Как всякий пьющий, он всегда вставал очень рано, а сегодня, может, и не ложился. В такую рань оказался бодр и весел.

– Ты уже успел принять? – встретил его Лев.

– А наливают! Сколько дней бандиты наливали здесь на кухне, те, что тебя поджидали. Все русские, – ответил он на вопрос Льва. – Кавказские не такие щедрые. А сегодня ночью пришли тебе на помощь, помогли тебе какие-то неуловимые мстители. Или тимуровцы. Существовали такие в древности, ты молодой, не знаешь.

Дверь с вырванным замком в его комнату распахнута. Под

ногами захрустели осколки. Оказалось, все здесь раскидано, разбито и изуродовано. Разрезанный матрац и диван с вырванными внутренностями. Опрокинутая мебель, затоптанное белье. Разбитые телевизор, музыкальный центр и компьютер одной кучей в углу. Даже чайник растоптан. И на стенах вмятины и следы ног.

«Надо просто все выбросить. Все, что здесь есть, даже еще целое».

Привольный шел следом и охотно рассказывал:

– Тимуровцы эти сначала на улице шумели, – говорил он. – Ругали бандюганов, этих на кухне. Вызывали на честный поединок. Но здесь только матерились. Но вот вышел под окна кто-то и закричал вдруг: «Я не разделяю ваши ценности, ваша позиция не верна по сути! Пусть вас не смущает мой вид, не обращайтесь внимания на мой внешний облик! И под грязным ватником может биться благородное сердце!»

Тоненьким голосом. Как наш засракуль Соломон Рубинчик во «Сне в летнюю ночь» в роли Основы. После этого здесь как взвились, как сорвались. Выскочили на улицу с геройским матом. И тут как ударили по ним из автоматов! Как вмочили! Такой грохот! И все бандитствующие с нашей кухни разбежались в разные стороны. Счастливые сейчас, наверное, что живы остались. Видать, какая-то другая банда стреляла. Конкурирующая.

Лев стоял, глядя на свою дорогущую швейную машину, кажется, сломанную совсем.

– Ну, а тех, кто стрелял, ты видел?

– А видел. Зашли сюда, в масках! Тут один самый пьяный оставался, на кухне спал. Вовремя очнулся и в окно выпрыгнул. Правда, здесь не очень высоко. И потом эти в масках ничего на этой кухне не выпили. Хоть там и стояло!

Лето наступало жаркое. В своей пустой теперь комнате Лев спал возле открытого окна.

Футбольная команда южной республики давно уехала, но ее болельщики почему-то остались здесь. Им тут как будто понравилось, особенно они оживлялись ночью. Местные уже прозвали их ночными джигитами. Про них ходили разные слухи. Особенно, те полюбили преследовать женщин, но, как говорили, в милиции заявления на них не принимали. Заявительниц гнали сразу. По ночам городом будто овладевала нечистая сила.

И Лев ночами возле своего окна слышал далекие и почти знакомые уже визгливые голоса ночных джигитов. Звучавшие все чаще и увереннее.

«Я портной, – думал он. – Я слушатель. Меня ничего не касается».

Сейчас он лежал в своей кровати. Неясно, во сне или наяву слышал непонятный разговор. Не на русском языке, а может, не на человеческом, вообще. А вот голоса стали отчетливее. Послышался радостный смех кого-то, нескольких счастливых, довольных собой людей.

– В общем, приведешь какую-нибудь и сразу звони... – слышалось по-русски что-то непонятное.

– Э, не учи!..

Голоса удалялись.

Лев лежал, слушал и заснул. А посреди ночи во дворе опять раздались какие-то голоса. Они будили, будили и вот разбудили. Жизнь за окном продолжалась. Там невдалеке слышался кокетливый девчоночий голос, а вот голос мужской. Вроде бы ответы, редкие, важные. Опять девчонка, смех, короткий визг. Потом опять она, сейчас та не то оправдывалась, не то умоляла о чем-то. Звук удара, крик.

«Опять ночной джигит? – Лев встал. Закурил, глядя в окно. – Я наблюдатель. Хватит с меня действий».

Похоже, весь дом сейчас замер. Сколько людей сейчас слушают это, за окнами. Но этих слушателей никто может не бояться, они так быстро забывают то, что слышат. Для них происходящее вроде радио, еще и плохого. Только он Лев все видит. Он зритель, да еще и с балконом. Во всей общаге было только три балкона, здесь, на третьем этаже и один из них его. Лев вышел на него. Как хорошо видно, будто в театре, с ложи осветителя.

Джигит в хорошо заметных белых брюках крепко держал за руку невысокую девчонку. Что-то злобно выговаривал ей, ударил еще раз. Та рвалась, твердила что-то умоляющее. А вот они замерли. Ночной джигит скрутил девчонку, зажав ей рот. Во двор кто-то вошел. Трое.

– Здесь он, – негромко послышалось рядом, почти под окном.

– Я слышал, джентльмены, что люди произошли от обезьян, – заговорил один. – Но некоторые не до конца. И один здесь спрятался. Молчит, значит согласен.

– Тихий паренек, – добавил другой.

– Голупь мирный. Цыпленок жареный.

В ответ раздалось что-то вроде клекота, а потом послышался возмущенный голос:

– Кто голубь, кто жареный? – В центр двора выходил этот, в белых штанах. – Да я вас сейчас всех троих!..

Дальше пошел бессвязный мат.

– Залпом! – неожиданно сказал один из этих троих.

Раздался странный звук, будто что-то очень громко треснуло. И так неожиданно, внезапно между ним и приближающимся ночным джигитом вспыхнула молния. Джигит дико вскрикнул. Забился, весь в синем пламени, будто дьявол, поднявшийся из земли. В свете вспыхнувшего электричества особенно отчетливо стало видно лицо девчонки с открытым ртом. Совсем молодая, лет шестнадцати. И что ее тянет по ночам в эти клубы?

– Залпом я говорил! – крикнул один из троих.

Другой, стоящий рядом с ним, отбежал в сторону, протянул руку с большой коробкой. Каким-то непонятным аккумулятором, как понял Лев. Оттуда тоже ударила изогнутая струя электрического разряда.

Того, в белых штанах окружил адский огонь. Горящий упал, корчась. Потом электричество как будто иссякло. Пахло паленым мясом.

– Как я выражался, джентльмены, точно, оказался жареным цыпленком. Догадался я, – раздался внизу голос. Кто-то подошел, разглядывая скрюченную фигуру. – Обратите внимания, сделали ему башку назад. Насовсем.

– Шею свернуло. Сдулся цунареф, откукарекался.

«Ну вот, убили кого-то на моих глазах», – подумал Лев.

Он слышал голоса совсем рядом, прямо под окном. Слышно было даже сопение, шмыганье.

Внезапно заморгал и запел что-то мобильный телефон, валявшийся на земле. Тот, с коробкой поднял его.

«Че, привел? Где вы? – умудрился расслышать Лев голос из телефона.

– За театром, – коротко ответил тот. Выключил и выбросил телефон за железный забор, отделяющий двор от улицы.

Всхлипнула и что-то заговорила девчонка.

– Уже жалко стало? – заметил один из пришедших. – Может, мы встали на пути чувства? Растоптали чего? Не сиди здесь, а ну быстро отсюда!..

– И не вздумай!.. – добавил ей вслед другой.

Еще один кому-то звонил, негромко и торопливо говорил. Где-то хлопнула дверь подъезда, это девчонка, неудавшаяся жертва ночных джигитов, попала домой. Сейчас ночью было тихо. Только доносились крики уцелевших джигитов, кото-

рые бегали по улице, пытаясь найти машину.

– Вот бы бросить это мясо и уйти, – раздавалось внизу.

– Нельзя, сэр. Глаза магистра видят тебя везде.

– Сейчас набежит толпа чуркобесов, и что мы втроем?.. –

Один медленно ходил по асфальтовой площадке, как по сцене. – У меня хоть при себе свинцовый кистень есть! А вы старайтесь жалить их ножами в лицо. От этого шок и можно успеть добить. Эх, надеяться на вас! С вами не украсть, ни покараулить.

– Не ссыте, сэр! Простоим, сколько можем...

– Стоп! – Остановил его другой. – Тихо, сам магистр звонит.

Прижав к уху телефон, долго и молча слушал кого-то. Потом сказал остальным тихо, почти шепотом:

– Магистр велел положить это на порог трансформаторной будки. Осторожно так, самим не заходить. Он поднял народ, сейчас все специалисты по будкам здесь вокруг пойдут, чтоб их открыть. Транспорт скоро будет, Славка приедет.

Лев все слышал. Сколько было до стоящих под его балконом? Метров пять?

– Толково придумано, – сказал один внизу.

Льву почему-то показалось, что он слышал такие слова в каком-то фильме. Ближе слышались крики и визг, бестолково бегающих по окрестности ночных джигитов. Вот те пробежали рядом по улице.

Лев сейчас узнавал даже издали их коротконогие фигуры.

Один пузатый бежал, сняв футболку и размахивая ей на ходу. Этот кричал громче всех. У него, несмотря на обилие жира, почему-то были худые икры. Как у осла, вставшего на дыбы. Пробежали за решеткой, не заметив этих троих у стены за чахлыми кустами и труп в белых штанах посреди двора.

– Многовато их, но ничего, постоим, если нарвутся, – слышалось внизу. – Я люблю их глушить скользящим ударом. Вдоль виска, так, чтоб руку не ушибить.

– Винторогих брать легко. Они уверены, что их обязательно боятся. Как гуси перед Паниковским.

– А кто этот Паниковский?

Опять зазвонил телефон.

– Тихо со своим стрекотом! Славка звонит.

Лев тоже слышал, как едет машина, кружится в стороне между ментовскими общагами, потом вдалеке на другой улице. А вот звук исчезает, затихает.

– Бестолковый утырок этот Славка! Все, открыли одну будку невдалеке. Давай его вручную, принайтовывайтесь. Цепляй на буксир.

Исчезли. Двор, наконец, опустел. Лев выбросил в окно очередной окурок и стал торопливо одевать сандалии.

«Какой я стал любопытный!»

На улице ночные джигиты бегали по перекрестку с дикими криками. Один даже подскакивал, размахивая кулаками. На дороге, через которую перебежал Лев, лежала свалившаяся туфля убитого. Потом Лев перелез через ограду детско-

го сада и, нагибаясь, двинулся сквозь него, напрямик. Сбоку послышались голоса. Лев разглядел этих троих, волокущих труп.

– Прямо напротив опорного пункта будку нашли, – сказал один из них.

Другой на ходу постучал в окно:

– Слышите, спит твой опорный полицей.

– Я верю, друзья, что милиция спит, – пропел еще один слова старой-старой уличной песенки.

Потом Лев услышал и увидел, как в трансформаторной будке, заслоненной кустами, открылась дверь.

– Все, господа душегубы, – раздалось с той стороны., – халтуру отхалтурили. Пойдем.

– Посмеялись последними.

– А вон машина Славки у «Детского мира» стоит. Нашелся!

Постояв, Лев тоже двинулся домой и тут увидел, что в открытых дверях трансформаторной будки стоит фигура в грязных белых штанах. А вот она двинулась вперед. В будке будто взорвалось, ударила яркая вспышка.

Опять раздались голоса.

– Гляди-ка, ожил, джентльмены. Восстал и пошел. Только не в ту сторону.

– И опять убился. Один неверный шаг в жизни!

– Как не везло ему сегодня с электрическим током.

– Ладно, пора ехать. А то джигиты сейчас набегут и ма-

шину начнут требовать. Э, машина давай! Втихую их здесь не замочишь.

Жизнь как-то продолжалась, шла. Лев жил теперь один в своей пустой комнате. Хотя, как потом оказалось, история со странными наблюдениями не закончилась.

Мимо Сортира Лев теперь проходил независимо. Тот только зыркал исподлобья и шипел что-то на неизвестном языке. Потом, наконец, перестал попадаться, переехал в хорошую большую квартиру в новом «уплотнительном» доме. Недалеко отсюда, возле кинотеатра. Но слухи о Сортировых делах не стихали. Однажды о них даже стали писать и говорить в газетах и по телевизору.

Земляки Сортира, менты, одновременно оказавшиеся бандитами, оказывается, хватали в заложники людей. Держали их за городом в строящемся Сортировом доме. Этот дом тот строил уже лет десять, все время, что жил в России. Последнее дело у них получилось не слишком удачным. Сортира таскали по судам в качестве свидетеля, а ментобандитов арестовали и содержали под следствием в тюрьме. Содержали, содержали, а потом отпустили всех. Отвязались и от свидетелей, и от арестованных. Те, торжествуя, уехали домой. Очередная история, нелепая и одновременно обычная для этого времени.

Как-то, проходя через прежний двор, Сортир остановился рядом со старухами, сидящими у подъезда. Долго хвастал-

ся своими связями и безнаказанностью. Тем, что не боится никаких судов и никаких ментов. Старухи слушали, кивали, сооротив умильные улыбки.

А однажды Льву позвонил один человек, когда-то работавший в их театре осветителем. При этом не сильно, не особо знакомый. Лев его еле знал, раньше в театре они едва здоровались. Сейчас тот, имя которого и не запомнилось, вдруг очень заинтересовался жизнью Льва. Ни с того ни с сего принялся приглашать Льва к себе. Обещал поставить бутылку в честь такой радостной встречи. А то и две.

Лев почему-то согласился и пошел в эти такие странные гости. Неохотно, сильно недовольный собой. Непонятно, зачем ему все это понадобилось.

Во дворе чужого дома у мусорных баков возились бомжи, парочка. Бомж нашел ботинки для фигурного катания и сейчас лениво возился с ними, пытался отковырять лезвия. Бомжиха, не торопясь, собирала валяющиеся кругом бумажные червонцы. Сейчас бомжи, хозяйева помоек, внезапно разбогатели и их вдруг разглядели. Те стали как-то заметнее, значительнее.

Об этом Лев думал, когда поднимался по лестнице в подъезде. Тут возле окна тоже сидел бомж. Необычный, почему-то трезвый, и одет он был чисто, хоть и небогато. Во что-то полувоенное, маскировочное, как часто одевались многие в последнее время.

Чувствовал он себя в этом подъезде уверенно, по-хозяй-

ски, перед ним стоял скромный, но приличный для бомжа обед. Подоконник был сервирован плотно. Лев успел разглядеть тарелку бутербродов с колбасой. стакан с утопленным там пакетиком чая. Дымящуюся на краю другого стакана сигарету.

Бомж в полувоенном проводил прошедшего по лестнице мимо Льва неприязненным, даже злым взглядом. И вслед смотрел внимательно. Лев заметил за ним что-то, прислоненное к стене. Длинное, зачехленное, показавшееся чем-то знакомым.

Удивительно, но безымянного знакомого, этого осветителя дома не оказалось. Тот, так неистово звавший к себе в гости, как оказалось, отсутствовал. Лев звонил, долго, но бессмысленно. Он ничего не понимал. Совсем разозлился на себя и пошел вниз.

Увидел, что давнишний бомж, сидевший у окна, вдруг вскочил с места и прилип к стеклу, рассматривая что-то внизу. Из рта у него торчал бутерброд. А вот выхватил из чехла, ну, конечно же, снайперскую винтовку.

Снайпер рванул раму, еще раз, еще. Та трещала, но, крепко забитая гвоздями, устояла. Перекушенный бутерброд упал на пол. Ударил в стекло прикладом. Вниз полетели и зазвенели далеко внизу осколки.

Остановившийся Лев смотрел с верхней лестничной площадки.

«Сейчас выстрелит в меня на всякий случай. Хотя бы

со злости».

Но псевдобомж бросил винтовку и стремительно побежал вниз. И Лев постоял, и тоже побежал. Надо же последить, по его обычаю. В последнее время он только бегает и следит. Остановился на втором этаже у раскрытого окна.

Снайпер-псевдобомж стоял посреди двора среди стеклянных осколков и оглядывался. Потом заметил Льва и вдруг крикнул с украинским акцентом:

– Эй! Где тут вокзал?

Тот показал пальцем. Снайпер развернулся и стремительно побежал, словно за ним собирались гнаться.

Лев посмотрел по сторонам. Возле длинного ряда гаражей у проезда между домами неожиданно увидел Сортира. Тот открывал дверь одного гаража.

«Ну да, – вспомнил Лев. – Сортир ведь живет в этом дворе».

Своими удивительными глазами Лев умудрился рассмотреть, что физиономия Сортира искажена злобой. Совсем перекошена даже для него.

«Чего он опять задумал?»

По дорожке вдоль гаражей от помойки медленно брела давняя пара бомжей. Они волокли сумки с добычей. А вот у бомжихи, кажется, зазвенел телефон. Она медленно вынула его из кармана весьма потрепанных спортивных штанов с лампасами. Телефон неожиданно оказался маленьким, дорогим. И Лев даже разглядел, как на пальцах бомжихи блес-

нули золотые перстни.

Бомж остановился у открытых ворот Сортирова гаража. Поставил грязную сумку на асфальт. Медленно, как это принято у бомжей, стал возиться в ней. И так неожиданно достал маленький гранатомет «Шмель». Достал и выстрелил в открытую калитку ворот.

Внутри гаража глухо грохнуло. Вылетели осколки кирпича из задней стены. Теперь с обеих сторон гаража шел густой черный дым. А вот появился огонь. Бомж постоял перед развороченными воротами и бросил ствол гранатомета в разгорающееся пламя. Подошла баба, шаркая сумками по асфальту и кинула их туда же. Пара, не торопясь, побрела дальше.

«Вот и не стало Сортира», – заторможено подумал Лев, глядя на полыхающий гараж.

В детском саду напротив дети прилипли к ограде. Смотрели, разинув рты. Воспитательницы, будто курицы в курятнике, бегали и собирали детский выводок. Загоняли тех в здание.

Вечером в этом детском саду какой-то отец спросил мимоходом сына, почему это здесь пахнет шашлыком.

– В садике говорят, что это чурка в гараже сгорел, – радостно объяснил тот.

– Ну и хрен с ним, – равнодушно заметил отец.

Пройдет совсем недолгий срок, и о существовании Сортира на земле все навсегда забудут.

Полузнакомый осветитель, как ни удивительно, позвонил еще раз. Про странное приглашение к себе и не вспомнил. Сейчас он предложил что-то диковинное: ехать с ним в какое-то сельское поселение. Ему вдруг предложили там интересное занятие. Короткую, сильно оплачиваемую работу, больше похожую на интересную прогулку. Некий благородный физтруд на свежем воздухе.

В каком-то не то колхозе, не то рыбоводческом хозяйстве спускали воду в прудах, и понадобились люди в бригаду, чтоб сетями достать выращенную рыбу. За три – пять дней этой трудовой прогулки обещали двадцать тысяч рублей.

Лев сразу понял, что ничего из этого не выйдет. Безымянный знакомец опять болтает какую-то ерунду. Эта фантастическая деревня и эта фантастическая работа – какая-то авантюра странного знакомого, о которой он скоро забудет. Поэтому Лев сразу же на все согласился, чтобы быстрее отвяжаться.

На прощание звонивший обещал, что за Львом заедет служебный транспорт. Лев согласился и на это.

Удивительно, но этот транспорт однажды действительно вдруг взял и приехал, рано-рано утром. За ним одним и даже оказалось, что это приличная легковая машина. Изобильная деревня, куда они поехали, оказывается, называлась Гороховое.

Постепенно проснувшись, Лев пытался расспросить о рыбном хозяйстве, куда он внезапно отправился. Что

за странное сельское поселение, островок благоденствия среди океана разорения? Шофер почему-то молчал, вместо ответов иногда неопределенно хмыкал. А потом вдруг сказал:

– Красные леса начались. Значит, Гороховое уже близко.

Лев увидел заросли рябины. Теперь они тянулись и тянулись вдоль дороги.

– Это тебе не дикая ягода, – заговорил, наконец, шофер. – Это специальные сорта. Титан, Ликерная называются, Сахарная Петрова и другие толковые есть. У нас в Гороховом из него вино делали, хорошее. Реализовывали через рестораны, пивные и прочее. Только плохо пьют у нас вино, не любят, – Шофер помолчал. – По правде говоря, сейчас мы водку делаем и продаем. Ее народ лучше понимает. Сыры изготавливаем, а основное – это рыба. Пруды цепочкой через нашу землю идут. В это самое время рыбу вынимаем. Дела делаются. Попробуешь в деревне пива нашего!

Особенно охотно шофер рассказывал о пиве. Очень его хвалил, с удовольствием вспоминал. Оказалось, что его варят специально найденные в окрестных деревнях лучшие пивовары. Простые частники в своих крестьянских дворах. Их обеспечивают сырьем, а потом забирают у них пиво, готовую продукцию.

– А главное у нас – рыба, угорь, – увлекшись, рассказывал шофер. – Выращиваем в прудах, коптим. От копченого угря – основной доход. В Гороховом большущие тайные коп-

тильные цеха и склады.

– Почему тайные? – спросил Лев.

Шофер сразу же опять замолчал, так и промолчал весь остаток дороги. Наконец, появилась деревня. Деревянные ворота у ее края, на них некая непонятная надпись. Лев успел разглядеть какие-то латинские буквы. Они въехали в деревню. По ней катился таджик на велосипеде.

Сбоку пошли дома, Лев не сразу заметил, что все они одинаковые, одного непонятного проекта. Какие-то двухэтажные, с широкими балконами, почти тропические. Понять это сразу было сложно: хозяева как могли переделали жилье по собственному вкусу. Обнаружилось, что во дворах еще когда-то существовали бассейны, в основном теперь уничтоженные. Где-то на их месте стоял сарай, где-то оранжерея или гараж. В одном пустом явном заброшенном бассейне лениво ходили куры.

Дальше на углу строилось двухэтажное здание, наверху, не торопясь, возились рабочие. Тоже таджики, обнаженные по пояс, дочерна загорелые, даже сероватые от загара. А вот Лев увидел пруд. Его, будто декорации, огораживали, висящие на кольях, сети. Дальше на берегу стояли весы и большие баки на сваях. У воды сидел кто-то с удочкой, босой и с сигарой.

А вот из переулка возле магазина вышел Эдуардыч. В пиджаке, мешковато висевшем на его детском тельце и почти домашних тапочках.

– Ну и ладно. Вижу, доvez, – сказал шофер, увидев его. Остановился рядом с ним.

Будто не замечая Льва, Эдуардыч сказал шоферу

– Командор велел тебе ждать нашу клиентку. Ходит она сейчас по деревне, такая беременная. Два дня ждала, пока магистр свое решение пришлет, сегодня дошло оно, по факсу. Отвезешь ее назад, в город.

Шофер недовольно отвернулся. И совсем внезапно выхватил из-под пиджака пистолет, вдруг выстрелил в кусты у дороги. Оттуда гигантским прыжком выскочила крыса и мгновенно исчезла.

– Сколько их собирается в последнее время! – сердито сказал шофер. – Как на митинг. Знают, что скоро рыбу будем доставать.

На этот выстрел вокруг почти не обратили внимания. Перед магазином, конечно, по деревенскому обычаю стояли мужики. Из них некоторые, молча, оглянулись.

– А я знал, что тебя здесь увижу. Как-то догадался, – сказал Лев Эдуардычу.

– Ну, а мы заметили, что ты нашими делами заинтересовался. Видели тебя во всяких кустах, за всякими заборами.

– Значит, это вы заглушили того винторогова в нашем дворе и в электробудку отнесли. И общагу нашу освободили. А бомжи с гранатометом тоже ваши были?

– Наши. И не бомжи они вовсе, – откровенно ответил Эдуардыч. – Они запасным вариантом считались. Рассчиты-

вали мы, в основном, на снайпера. Наняли за совсем порядочные деньги специалиста из Украины. Аванс он получил, но в нужное время растерялся.

– Я видел. Наблюдал.

– Ну да, пригласили тебя, посмотреть. Заждались Сортира в преисподней. А мы служим подручными у чертей, поставляем к ним злодеев.

Они отошли к магазину и сели на кустарные скамейки, сделанные из автомобильных сидений. Рядом сидели и курили местные мужики.

– Значит, вы крутые пацаны, типа банды? – спросил Лев.

– Мы больше, чем банда. Мы народ. Народная самооборона, – ответил Эдуардыч. – Помогаем, даже спасаем и не требуем платы. Только иногда, вместо денег, нужна помощь в наших делах. Люди нужны.

«Так вот зачем меня сюда привезли», – понял Лев.

– Мы соль земли, – произнес Эдуардыч и показал на курящих рядом мужиков. – Но из одной соли ничего не сварить. Русский народ теперь негорючий, сырой, излишне терпеливый. Приходится подбирать воспламеняющихся. Ты же мечтал погибнуть со стволом в руке.

– Да я не против, – неопределенно пробормотал Лев.

Сейчас он не мог знать, как сильно изменится его жизнь. Повернется в другую сторону на этой засранной гусями площадке перед магазином. С этого самого времени.

Сидящий рядом мужик вдруг бросил окурок и сказал:

– Тут самое главное – не бояться! Никогда. Ни богов, ни чертей! Здесь никто никого не боится.

– И не воровать, не грабить, не паразитировать на людском горе, – слышался еще один голос.

– Вы, вроде, приморских партизан? – спросил Лев.

– Да мало похожи, – ответил Эдуардыч. – Мы ничего не боимся, но при этом не такие дураки, как приморские партизаны. Чтоб штурмом посты ГАИ брать, а потом по лесам прятаться. Наш бунт осмысленный и с разбором. Следов мы не оставляем. И ментам тоже это нравится, они следов не любят. Мы не банда, – продолжил разговор Эдуардыч. – Мы орден, как в древности. Видел наш девиз над воротами? *Pro domo sua*. В защиту своего дома. Со всеми атрибутами. Братья-рыцари, командоры, приор, маршал. И наш основатель, великий магистр, он же гроссмейстер есть. Только его никто никогда не видел, он толи в Южной Америке толи еще где-то живет. В Эквадоре либо Либерии. Оттуда рулит.

– А эти таджики тоже рыцари? – Лев кивнул на нескольких, сидящих под ивой на берегу, таджиков, вокруг канистры пива, с неизменной здесь, похоже, копченой рыбой.

– Да они никто. А скоро их, вообще, здесь не будет. На днях многое здесь изменится, реорганизация у нас. Вот решится одна большая проблема, с деньгами.

– С деньгами проблемы всегда большие. Не хватает?

– Наоборот, слишком их много, – загадочно ответил Эдуардыч. – Деньги, деньги, дребеденьги... Ну, если согласен

к нам в орден, то ты с этого мгновения уже брат-оруженосец. Для начала.

Лев недолго подумал и кивнул.

– Ну и хорошо, – Эдуардыч одобрительно хлопнул его рукой по плечу.

Потом куда-то засобирался и ушел. Лев долго еще сидел на этой скамье, потом бесцельно ходил по деревне. Эдуардыч исчез, не позаботившись о его быте. Непонятно, где Лев будет жить, что есть и, вообще, непонятно, что ему делать.

Уже темнело. Пробравшись между сетями, Лев встал на берегу пруда невдалеке от босого рыбака, будто навеки поставленного сюда. Кажется, тот не знал, что есть рыбу на рыбалке – плохая примета. У воды стоял кувшин с пивом и на нем по-местному огромный бутерброд с копченым угрем, из половины батона.

Рыбак стоял, молча. Стоял, стоял, а вот поймал рыбу. Та мелькнула высоко вверху, будто серебристая птица, а потом забилась на берегу. Чуть прихрамывая, подволакивая ногу, босой шагнул в сторону, к ведру. Кажется, Лев видел того, узнал по походке. Может, это на него он смотрел со своего балкона во дворе? Вроде, нет.

– А я тебя видал, – сказал Лев, когда рыба шлепнулась в ведро. – Ты гаражи взрываешь. А меня в орден сегодня взяли. Оруженосцем.

– Да я знаю. В деревне все про всех знают, пусть эта деревня и орден. Ну что ж, нам в ордене такие наблюдатель-

ные, как ты, тоже нужны. Тебя ведь Левка зовут. А я рыцарь, из простых, Мокей мое имя. Наверное, последний в мире Мокей остался.

Рыцарь замолчал, насаживая червяка.

Этот босой брат-рыцарь был пожилым но при этом какого-то неопределенного возраста. Большим, широкоплечим, хоть сильно худым, высохшим. Только широченные запястья выдавали его былую мощь.

Стало темно. Только на том берегу горели огоньки сигарет засидевшихся таджиков.

– Дурацкое, конечно, дело – рыбалка сейчас. Все равно всю рыбу скоро сетями достанем. Сейчас воду осторожно спускаем, у нас ниже каждого пруда своя ГЭС, целая электросеть. Много энергии тратим.

Непонятным образом ощущалось, что Мокей в своей жизни привык к шуму, крику и драке, к яростным схваткам среди людей, в самом их центре. Но эта ясная ночь, тихая вода сейчас умиротворили его.

Лев, сидя на корточках, смотрел на тихий пруд. Каким неприятным казался сейчас город, и все, что в нем случилось в последнее время.

– А как наш орден называется? – спросил он.

– Этого никто не знает. Вернее, знает только один человек, магистр, но он далеко. Он здесь решает все. Скоро у нас генеральный капитул в магистратуре, то есть по-вашему заседание. Будут тереть про новый обет бедности для братьев.

Но наш эквадорский старик уже все решил. – Голос брата Мокея сейчас звучал над водой отчетливо и ясно, как у диктора в телевизоре. – И вообще, отменяют нашу коммерцию, магистр решил задушить торговлю. Неблагородно, мол. Орден существует не для прибыли, не для того, чтобы водкой и пивом торговать. И все подсобное хозяйство будем сокращать. Уже сейчас бесплатно рыбу и хлеб на улицах раздаем.

– Да, я видел, – сказал Лев. – Так значит, на помойках это ваши деньги?

– Наши. Мы выбрасываем. Сейчас весь народ в ордене гудит. Ждем, что скоро запретят «мафиозное производство».

– Ваш Эдуардыч, видимо, тоже активно хлопочет по этому поводу. Бросил меня посреди улицы и исчез.

– А, Эдуардыч – это мелочь, – снисходительно произнес Мокей. – Хоть часто и начальника из себя строит. Бегает, распоряжения магистра передает. Сторож, одним словом. А ты не переживай, вставай на якорь в моей избе, живи.

Кажется, похожие слова Лев слышал не так давно.

Вместе с Мокеем Лев шел в сегодняшний дом, нес тяжелое ведро с рыбой. Рыцарь курил дешевую «Приму», хромал рядом.

– Обет бедности – это не настоящая бедность, конечно. Мы себе на жизнь всегда добудем. Но нынешнее процветание все, закончилось. Придется братьям теперь с «Мальборо» и «Кэмела» на «Приму» слезать.

– А нельзя ваши деньги тупо потратить? – спросил Лев. –

Зачем обязательно выбрасывать понадобилось?

– Думаю, что затем, – помолчав, ответил Мокей. – Шок нужен для нас, людей. Чтобы сильнее запомнили. Чтобы помнили и знали, какой бизнес – это рыночный, азербайджано-дагестанский. А какой нашего ордена, русский.

Дом Мокея был необычным для этой деревни, старым, из давно не окрашенной ящичной доски. Сейчас открытый настежь и просохший за лето.

На следующее утро, когда они опять вышли рыбачить, стало видно, что за ночь вода явно ушла. Пруд окружила полоса широкой черной грязи. Теперь они рыбачили с длинных деревянных мостков. Мокей все рассказывал, как он ловил рыбу на сейнерах на севере:

– Вся работа, весь улов на мне, тралмейстере, все от меня зависело. Такой каленый народ подо мной ходил, и ничего: все делали, как я скажу.

На берегу остановился и стал слушать его серьезный человек в сильно измятых брюках и с картонной амбарной книгой под мышкой.

Как объяснил потом Мокей, Юра, деревенский дурачок. Тот любил изображать из себя начальника, часто сидел в приемной магистратуры. Строчил что-то в своей книге, а любопытным объяснял: «План составляю!» Эту амбарную книгу он называл журнал и хранил его обычно за батареей отопления. Потом Лев заглянет туда – выяснится, что писать

Юра не умеет и черкает какие-то закорючки.

Оказалось, что все имущество ордена было записано на него, Юра считался учредителем. Его научили кое-как подписываться, и тот этот процесс сильно любил. Все спрашивал, не надо ли где подписаться.

Кому-то из местных властителей надоело видеть, как Лев занимается этой странной рыбной ловлей. И кто-то из владык ордена распорядился, чтобы завтра Лев вышел «на серебро». Эти слова передал Мокей и сказал, что это за серебро, Лев увидит сам.

На следующее утро Лев встал рано. Позавтракал традиционными в Гороховом рыбой и пивом и, хоть и было велено придти на место после обеда, решил отправиться пораньше.

В деревне Лев издали услышал голос Мокея. Тот привел таджиков мыть цистерны для рыбы и сейчас громко объяснял, что те должны делать. В домашних тапочках стоял на краю цистерны и сыпал сверху по-флотски. «Лишенцы» – это было самым невинным в его речи. Голоса таджиков снизу доносились негромко и редко.

– Ну вот, – встретил тот Льва. – Я уже по-таджикски понемногу стал понимать. И к этим потихоньку, как к людям, начинаю относиться. Такая дурацкая русская привычка.

По дороге в эту сторону шел кто-то, сначала показавшийся пьяным, неистово размахивающий руками. Ближе оказалось, что он трезвый, но при этом его на ходу корчат припад-

ки сильнейшей злобы. Этот неестественно молодой человек, оказывается, был маршалом ордена. Маршалом здесь считался тот, кто заведовал финансами. Главбух, по-обычному. Он кинулся к Мокею и Льву – кажется, искал кому пожаловаться.

Выяснилось, что магистр все решил окончательно. Ночью он прислал письмо на сайт ордена. *Nihil habeo nihil timeo*.

– Ничего не имею – ничего не боюсь, – объяснял маршал. – Все, значит, теперь обет бедности принят! Так что капитул сегодняшний – это ненужная туфта. Уже все решено. И деньги еще будем выбрасывать! Символическое очищение от грязных денег, блин! Все на свете сокращаем, разгоняем таджиков, только рыбу для внутреннего потребления оставляем. Раздавать братьям, делить. Мол, делайте с ней, что хотите. Нищета, блин горелый! Даже хлеб продавать теперь нельзя! Неблагородно. Наверное, боится, что мы свое добро не отстоим, что разорят и отнимут! Только никто здесь никого не боится. Отобьемся от всех!

– Ничего. Ему из Гондураса – Эквадора виднее, – снисходительно отвечал Мокей. И уже потом, глядя вслед ушедшему маршалу: – Никто другой на свете не смог бы добиться такого – заставить выбросить деньги. Но магистр может все! Его воля – это, знаешь, воля!

– Ладно, а где ваше серебро? – спросил, наконец, Лев.

– Тут, – Мокей, который теперь стоял на земле, топнул по ней ногой в тапочке. – Под гороховской землей чего толь-

ко нет. И не только спиртоводочный завод. Там еще одна деревня, подземная, тайная. Ладно, у меня ключи от мастерских есть. Пойдем!

Они вошли в домик неподалеку, ветхий, почти сарай. В углу здесь почему-то стояла хорошая голландская печь, оббитая жестью. Слишком хорошая для этого щелястого помещеньца. Мокей засунул в какую-то щель в печке ключ и внезапно открыл в ней вдруг обнаружившуюся высокую дверь. Ее Лев поначалу совсем не заметил.

Внутри якобы печи начиналась спиральная лестница с жестяными ступенями. Лев вошел туда, внутрь и остановился, глядя вниз.

– Тайное убежище! – с удовольствием сказал Мокей и закрыл за ним дверь, оставшись снаружи.

Слышался непонятный механический шум. Пахло машинным маслом и горелым железом. Спустившийся вниз, Лев оказался в коридоре, оббитом досками, потянул за какую-то деревяшку, оказавшуюся дверной ручкой.

Шум стал еще сильнее. Сначала Лев увидел чью-то загорелую лысину, кто-то склонился перед маленьким прессом. Шлепал штамп. Сбоку падали маленькие, ярко блестящие кружочки. Сверкающая куча их лежала сбоку на столе.

Этот штамповщик был в наушниках и не сразу заметил Льва. Наконец, к тому повернулось крепкое скуластое лицо преждевременно облысевшего человека лет тридцати. Смуглого, даже желтоватого, явно нерусского. Кое-где на этом ли-

це темнела свежая металлическая грязь.

– Прислали, наконец, оруженосца, ученика. Тебя, вроде, Лев зовут? – громко заговорил тот. – А меня можешь Леон называть. Если по правде, настоящее мое имя Наполеон. Дед у меня цыган был, в честь него назвали.

Обнаружилось, что вверх отсюда поднималась круглая бетонная труба, как в колодце. Наверху было видно синее-синее небо. Свет оттуда, сверху, и маленькая лампочка перед прессом освещали это маленькое помещение. Лев мог только догадываться об этом, сам он видел бы здесь и в темноте.

По разнообразному шуму отовсюду из-за грубых дощатых стен было понятно, что здесь большая активно работающая мастерская.

За ближайшей стеной слышался еще чей-то голос. – Я понял, что многим могила придет с моего костыля, – напевал там кто-то. Его иногда заглушал звук какого-то небольшого инструмента. Кажется, бора.

Лев взял один из кружочков из кучи, оказавшийся монетой. Неистово сверкающей, сверхновой, теплой. На аверсе ее был изображен тропический пейзаж. Сквозь блеск можно было разглядеть берег с пальмами, вулкан вдали.

– Наполеондор страны Вердекоста, – сказал Леон, покосившись на него. – Страны нигде в этом мире не существующей. Вот такие дела!.. Делали мы здесь раньше антиквариат, монеты Российской империи, Петра Третьего, Анны, тех времен. Но потом магистр заявил, что это неблагородно.

Стали делать вердекостовские – это уже ничего, не подделка совсем. Совсем честная игра. Хотя антиквариат, конечно, гораздо был выгоднее. Коллекционеры нас тогда быстро просекли, но для взяток ментам сойдет. – Кивнул на блестящую кучу монет. – Считай, половина из этого тоже на дresseiroвку ментов пойдет. Вон какие у них аппетиты

Рядом хлопал пресс, монеты с серебряным звуком падали на стол рядом с аптечными весами. По-настоящему серебряным. От тряски стол немного качался, и вся гора серебра тоже звенела. Тонкий звон наполнял это подземелье. Слыша и видя все это вокруг, стало понятно, какой он могущественный и богатый, их орден. А деревня наверху – это так, декорация. Бор за стеной затих.

– Когда мы антиквариат делали, главмент уже коллекцию из наших монет принялся собирать, – послышался незнакомый голос из-за стены, – даже заказывать нам что-то. Из золота, серебра, даже из платины взялись ему монету лепить. Из чего попало, из всякого дьявольского металла.

– Платина, вроде, не совсем дьявольский, – сказал Лев невидимому собеседнику. – Из нее при царях деньги не делали. Худородным серебром его тогда называли.

– Главменту пойдет, – заметил рядом Леон. – Подлецу все к лицу. Такие всякие цацки любят, лишь бы деньги куда-нибудь вложить. А сейчас наполеондоры гребет, хотя и выговорить это слово не может. Таких, как он, не покупать, а мочить надо.

– И покупаем, и мочим, – опять донеслось из-за стены. – Но они снова и снова вылупляются. Откуда только? Орден стоит за народ, на него работаем. А когда мы работаем не слишком аккуратно, приходится платить. Когда надо, менты закрывают глаза. И уши. Звон серебра, этих наполеондоров им все заглушает. Вот так, Наполеон Николаевич, так-то, джентльмены! Отрадно, что чиновник у нас продажный. Плохо только, что берет много. Я сам главменту монету таскал, – Все слышался голос. – Не коллекционер он, а барахольщик. Своими побрякушками передо мной хвастался, а потом, особо, картинами Никаса Сафронова. Взглянул я на такие картинки: болван для болванов наспех пишет. Хотя бы про перспективу догадывался.

– Это Семен Рэмович, он у нас издавна ходок по кабинетам, – с насмешкой заметил Леон и кивнул на стену, – Сам Божко Семен Рэмович. Крупным чинушей был, депутатом даже, а вот к нам ушел.

– Признаюсь, в основном, потому, что оружие очень люблю, джентльмены, – опять донесся голос. Лев вдруг понял, что слышал его, этот голос, у себя во дворе, тогда ночью. – Вот, смотрите, что сделал. Сколько лет мечтал изготовить. Лелеял эту мечту.

В стене открылась грубая дверь из горбыля. Появился человек, большой, пузатый. Его простое лицо меняли старомодные густые бакенбарды. На этом архаически украшенном облике тоже где-то лежала металлическая грязь.

Он счастливо улыбался, показывая, лежащий на ладони, тяжелый пистолет с толстым стволом. Протягивая его, повившийся Божко сказал:

– Вот сделал, наконец, пистоль! Не ожидал, что он таким сложным в работе окажется. Пистолетик «Глог». На пятнадцать патронов, раньше культовый у братков был. Да, сэры! Это вам не прежние наши успехи. Когда мы автоматы-толстопятовки, ростовскими фантомасами придуманные, делали. Да всякие стэны, считай, куски трубы с пружиной.

– У нас перед бандитами техническое превосходство, – с гордостью сказал Леон. – Всякое изобретаем, умов в ордене хватает. ЭДР, например, электрошокер с длинным разрядом. Бьет всякий человеческий скот наповал на расстоянии. И прочие чудеса техники есть...

– Да я видел. Был зрителем, – сказал Лев.

Он теперь тоже взялся за нехитрую работу. Леон выдал ему сплющенные серебряные лепешки, в которых еще угадывалась прежняя кухонная посуда. Лев рубил ее на кусочки под штамповку и взвешивал. Потом складывал монеты в кожаные мешочки, по сто штук в каждый.

– Главмент в них любит получать, – объяснил Леон. Потом опять стал рассказывать. – У нас на гороховской ГЭС такое уникальное оборудование, какого ни в Америке, ни в Японии нет. Таких людей, таких специалистов находит магистр.

– Это столько людей сейчас под землей? – спросил Лев.

– Да не под землей, – отозвался соседский Божко. Он уже не жужжал бором. – У ордена свое НИИ есть, заочное. Такая странная научная форма. Находим и объединяем талантливых людей. Все связи по интернету, ну, а командировки, техисполнение здесь, или там, где аппаратуру изготавливаем. Большинство из людей и не знает, что на орден работает. Только деньги охотно от нас получают. А талантов, оказалось, в России очень много. Сейчас, например, работаем над добычей редкоземельных металлов. Но некоторые в НИИ и свои темы предлагают, очень интересные.

Из-за шума и громких голосов Божко и Леона Лев не заметил, что здесь в подвале появился еще кто-то. Только внезапно услышал его голос:

– И что, Наполеон, это весь металл? Как будто из носа наковырял.

Спустился сюда какой-то невысокий мужик в сильных очках. Леон представил его, как Валерку, контролера и технического гения.

– Бывший ментовский эксперт, – сказал Леон. – К нам многие бывшие менты перебегают. И имеет одно достоинство – чует золото, как гном.

В ответ Валерка смущенно моргал глазами под сильно увеличенными очками.

– Вот благодаря нашему НИИ и, в основном, нашему Валерке, придумали спецметаллодетектор на золото, – стал рассказывать Божко. – На десятки метров тот под землей ви-

дит. Хотя и здоровенный, на грузовике специальном его возим или даже на вертолете. Трудно поверить, но по пути отступления Наполеона пролетели, не нашего Леона, а настоящего, и клад его нашли. Только глубоко он, метров пятнадцать, а сверху холм, и деревья растут. Не знаем, что с ним делать. С официозом об этом договариваться не хотим.

– Было время, пытались как-то, – заговорил Валерка, который взвешивал сейчас мешочки с наполеондорами. Кажется, трое ветеранов ордена рассказывали все это друг другу. Делились воспоминаниями. – Мы с металлодетектором всю Москву объехали. Чего только, где только нет. Даже в говне, в канализации. Больше всего понравилась одна полумертвая фабрика, там матрацы делали. Под полом в коридоре у них масса столового серебра и всего прочего лежало. Буржуи в революцию спрятали. Купили мы эту фабрику, долго оформляли, возились, а потом вскрыли эти полы, достали клад. Вроде, сколько-то процентов нам должно было идти, доля малая. Только не получили ничего, хрена тебе!.. Несколько лет прошло, пока оценивали клад, передавали Госмузейфонду. Тот теперь, вообще, какие-то копейки должен, но и того не дает. Нет денег у этого Госмузейфонда.

– Вот простая человеческая мысль, и потом из-за нее гора золота или еще какого драгметалла здесь появляется, – Божко сейчас стоял в открытой двери. – А скоро еще редкоземельные металлы научимся добывать, чуть-чуть еще напряжемся. У нас теперь другой доход пойдет, прямо из русской

земли. И много чего еще сумеем. Русский мозг великие вещи способен создать. Мы не кавказская диаспора. Это не водкой-пивом торговать. И как много таких людей и такой мысли в России! Тут настоящий Клондайк. Русский Клондайк!

– Помню, когда меня в Ставрополье чуркобесы в рабы захватили, я все время об этом думал, – заговорил Леон. – Овец пасу и думаю, мафия от нормального бизнеса отличается только тем, что налогов не платит, и не в мировой суд обращается, а к автомату и пуле. Насмотрелся. У нас на юге национальная мафия точно такая и есть. Даже география на Италию похожа. Только в Италии мафию не поддерживают. Бесплатной электроэнергии на Сицилию не поставляют и лес воровать не дают. Чуркестанский путь – не наш путь, не нашего ордена. Мы возьмем свое и где надо отдадим.

В центре Горохового стояло сильно облупленное здание с остатками колокольни. Когда-то церковь, потом деревенский клуб, а сейчас оно считалось магистратом. Перед ним сегодня должен был произойти генеральный капитул. Гороховскому братству должны были объявить давно известную весть, что магистр и высшие рыцари единогласно объявляют запрет «мафиозного производства» и обет добровольной нищеты. Без собственного стяжания. Народ собирался медленно, постепенно.

Сверху на высоком крыльце бывшей церкви стоял и смотрел на них командор со странной не то фамилией не то

кликлой Кукук. Человек с этим прозвищем выглядел совсем не забавно. Огромный, тяжелый и медленный, с почти неподвижным лицом. Будто ожившая, и еще не до конца, статуя.

Лев, покинувший подвал с серебром для этого странного торжества, мысленно назвал его Каменным гостем. Он видел что-то подобное Кукуку в каком-то спектакле в своем театре. В этом Каменном госте была заметна необыкновенная физическая мощь. Тот смотрел неподвижно, и непонятно, какие ощущения могли возникнуть и двигаться в его каменной плоти.

Толпа рыцарей собиралась и, кажется, уже собралась, но тут все увидели, что в ворота деревни въехала и сейчас приближается целая колонна чужих машин. Впереди них двигалась милицейская иномарка. Вот они остановились неподалеку, а иномарка ближе всего к людям. Вышедший оттуда человек с галстуком, в очках, похожий на худого Берию, оглянулся и спросил:

– Эй, кто у вас руководитель?

– Все начальники. Все равны, – раздалось отовсюду.

– Это вы? – догадался этот в галстук, глядя на Кукука.

– Да нет, – не сразу, помолчав, ответил тот. – Это к Юрию Дормидонтовичу. Он учредитель, хозяин.

Юра стоял здесь, с амбарной книгой. Он закрутил головой, глядя по сторонам.

– Иди, иди, Юра, распорядись! – слышалось со всех сторон. – Давай, покажь журнал!

– Ступай. Сейчас расписаться дадут, – сказал Эдуардыч, стоявший невдалеке от Льва. – *Interdum stultus opportuna loquitur*, – негромко и непонятно добавил он.

А потом перевел совсем тихо:

– Бывает дурак толковое скажет.

Только стоящий рядом Лев его услышал.

Кто-то в голубом мундире судебного исполнителя взялся за Юрин журнал, но тот вцепился в него крепко, держал из всех сил. Вот еле вырвал. Юра скривился лицом и исчез в магистрате. Приезжее начальство послушно потянулось за ним. На площади перед ратушей заржали.

И вот быстро, почти сразу же все выскочили назад. Впереди похожий на Берию, с галстуком и сейчас с красным, будто после бани, лицом.

– Вы еще не догадались с кем имеете дело? – крикнул он, глядя вверх на крыльцо, где неподвижно стоял Кукук, потом на колокольню, откуда свесили головы братья-рыцари.

– Здесь, гражданин начальник, твоих подчиненных нет. Своими холуями командуй! – спокойно ответил Кукук.

– Вы не оказывайте неуважение, не грозите полицейскому при исполнении, – крикнул еще один за спиной краснолицего. Капитан, кажется, местный участковый.

– Может, ты нам будешь угрожать? – равнодушно спросил его Кукук.

Тот пробормотал что-то неопределенное и поспешно двинулся к своей «Газели»

– Вы знаете, кто я? – крикнул краснолицый с галстуком. – Я не участковый, не идиот этот! Я руковожу управлением по разработке организованных преступных групп УМВД.

Сверху с колокольни свистнули.

– Какое длинное название! – с преувеличенным уважением произнес Кукук. Оказалось, что мысли внутри этого каменного человека двигались проворно.

– За нарушение лишитесь здесь всего! – вмешался человек в мундире судебного исполнителя. – Деньги на помойки выбрасываете! Все тут отберем! – Сел в машину и громко захлопнул за собой дверцу.

– Наши деньги и так народу идут! – крикнули сверху, с колокольни.

– Попробуй возьми! Нас не напугаешь! – кричали из толпы.

– Ничего, постоим за родной Биробиджан, – сказал Кукук. Уезжающих провожали криком и свистом, долго, пока их машины были видны с колокольни.

Вскоре приехал полупознакомый Льву осветитель. Несколько дней они обходили с сетями пруды. Тралили, как говорил Мокей. В деревне еще долго держался потом запах копченого угря. Все это было немного похоже на счастье. Хоть в этой новой жизни Льва еще много чего произойдет. Случится так много всего. Но это, как говорили в начале двадцать первого века, совсем другая история.

Лицо в воде

СПИСОК ЖЕРТВ ТАНЦОРА

Морелла Танцовщица-стриптизерша в варьете «Красная мельница».

Мирабела Ким Танцовщица-стриптизерша в варьете «Красная мельница».

Гертруда Краснова Бывшая торговка с рынка. Сейчас танцовщица-стриптизерша в варьете «Красная мельница».

Мессалина Шнайдер Балерина.

Иванна Фламенко (Кучерова) Бывшая телезвезда из реалити-шоу «В витрине». Хореограф в Доме детского творчества.

Элеонора Широкополова Жена олигарха. Хозяйка танцевального салона. Президент Федерации спортивного танго.

Лиопарелла.

Когда-то я писал о том, как нашел на чердаке своего дома

тетради. Нелепые странные в наше время предметы из настоящей бумаги, да еще с рукописью, оставленной рукой одного из моих предков. Необычно звучащие сейчас в двадцать втором веке слова: «тетрадь», «рукопись»...

В этом доме наша семья живет больше ста лет. Он совсем старый и его собираются вскоре снести, а я решил еще раз подняться на чердак, вдруг там найду еще что-то необычное. И нашел! За одной балкой обнаружилась какая-то ржавая железка, в которой я после пристального изучения вдруг узнал старинный револьвер. Оказалось, очень старинный, даже древний, наверное, еще девятнадцатого века. Впрочем, на чердаке он сохранился удивительно неплохо. Наверное, и этот револьвер принадлежал кому-то из моих предков. С таким необычным предметом наверняка связаны какие-то события.

Хотя в этих тетрадах, изданных мною, кажется, что-то есть, что-то про него написано...

– Бродим, бродим, а вокруг ничего ужасного не происходит, – недовольно сказал Чаплин.

– Ничего, когда-нибудь повезет, – пробормотал Лев.

Вдвоем они все ходили и ходили, каждый день огибали по периметру один район города. Крошечный географический квадрат, давно знакомый, где все было известно с детства. Быт сыщиков, при этом сыщиков самых мелких – в ордене это называлось патрулем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.